

Ильдус Загидуллин

Реакция мусульман Волго-Уральского региона на проект Гражданского уложения в период революции 1905–1907 гг.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-211-242>

Ildus Zagidullin

The Reaction of the Muslims of the Volga-Ural Region to the Draft Civil Code during the Revolution of 1905–1907

Ildus Zagidullin — Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia). zagik63@mail.ru

In the nineteenth century, the territorial formation of the Russian Empire was completed. In each of the regions of compact settlement of Muslims, the application of the Sharia law had some differences due to belonging of Muslims to various madhhabs, their level of social development, and the policy of the authorities. In the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Sharia norms regulated personal status rights, a number of aspects of which were defined by general imperial laws that replaced some provisions of the Islamic legal system. A new stage in the unification of imperial legislation came with the draft of a new Civil Code completed at the beginning of the twentieth century. The article shows how during the Russian Revolution of 1905–1907, various opinions on the use of Sharia norms of marriage, family and inheritance were expressed by Russian conservatives, liberals, and the radical Tatar youth. In their petitions, Muslims called for the concentration of all religious issues in the hands of the religious administration, including the Waqfs, which meant their legalization within the Orenburg district. The requirement of religious and cultural autonomy also meant the abolition of the usual practice of applying to a secular court, and some other practices.

Keywords: Civil Code draft, petition campaign of 1905, Sharia norms, family law, inheritance law, religious and cultural autonomy of the district of the Spiritual Assembly, meetings and congresses of Muslims in 1905–1906.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является исследование реакции мусульман Волго-Уральского региона на проект Гражданского уложения в период Первой русской революции 1905–1907 гг., когда в стране установилась невиданная доселе демократическая атмосфера и подданные впервые за историю Российской империи получили под гарантии русского государя право подавать прошения по проблемам государственного устройства и общественных нужд.

Статья написана на основании фронтального исследования более 500 петиций мусульман Волго-Уральского региона, отложившихся в фонде 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) Российского государственного исторического архива, материалов Уфимского курултая мусульманских духовных лиц (10–15 апреля 1905 г.) и Чистопольского совещания общественных деятелей (20–22 мая 1905 г.), опубликованного протокола № 1 съезда уполномоченных сельских мусульман Уфимской губернии, посвященного обсуждению вопросов, касающихся исламской религии и нужд башкирского населения (22, 23, 25 июня 1905 г.), материалов и исторической литературы, имеющих отношение к Всероссийским мусульманским съездам (1905–1906 и 1917 гг.).

Современная историография оценивает прошения подданных, адресованные имперским структурам, как одну из форм политической коммуникации, «важный канал связи» с властью¹. Аналогичным образом использовали подачу петиций и мусульмане, стараясь в своих текстах подробно изложить свои чаяния и нужды.

Предметом исследования являются тексты, исходящие от: (1) отдельных лиц, (2) групп мусульман, (3) доверенных приходов/сельских обществ, (4) локальных совещаний духовенства и (5) совещаний и съездов мусульман в период Первой русской революции 1905–1907 гг.; объектом исследования — реакция элит мусульманского сообщества Волго-Уральского региона на проект Гражданского уложения как на один из факторов, ущемляющих их религиозные права и угрожающих функционированию религиозно-культурной автономии округа Оренбургского магометанского духовного собрания, в которой нормы шариата в се-

1. Шперлинг В. Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004. С. 152–168.

мейно-брачных отношениях и при разделе имущества являлись ключевыми элементами, обеспечивающими особый статус мусульман в России.

Введение

Взаимодействие правителей Московского государства с нерусскими народами по обеспечению политической лояльности иноязычных подданных основывалось на предоставлении элитам гарантий особого статуса, а податному населению — автономии религиозно-обрядовой жизни и этноконфессиональной системы образования в рамках религиозных общин. Классическим проявлением такой практики была деятельность Османской империи по регулированию религиозно-культурных потребностей нетитульных групп подданных, получившая в исторической литературе название «система миллет»². Однако в последней четверти XVII в., когда власть начала ориентироваться на западную модель развития русского общества, прагматическая религиозная терпимость к мусульманам канула в лету. Они стали объектом нового внутривластного курса власти, которая хотела унифицировать подданных по западному образцу в социальном и религиозном плане³. Политика христианизации проводилась волнообразно и не дала власти желаемых результатов, наоборот, привела к религиозной активности мусульман Волго-Уральского региона и глубокой конфронтации власти с мусульманским сообществом.

Однако Екатерина II (1762–1796), стремясь обеспечить общественную стабильность, была вынуждена отказаться от идеи тотальной христианизации мусульманских народов. Под влиянием идей просвещенного абсолютизма она вернулась к практике сотрудничества с местными элитами.

В новых геополитических условиях у мусульман Волго-Уральского региона появилась возможность преодолеть кризисную ситуацию. Факты крещения мусульман в период деятельности «Новокрещенской конторы» (1740–1764) выявили слабое звено в деятельности общественных мулл (абызов): отсутствие кон-

2. *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм) XIX–XX вв. М.: Наука, 1985. С. 7–9; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 120.

3. *Каппелер А.* Чуваши. Народ в тени истории: монография / пер. с нем. Е. В. Толстой; науч. ред. Л. А. Таймасов. Чебоксары, 2019. С. 70.

фессиональной школы и недостаточность у прихожан первичных знаний об исламе. Крещение, как правило, происходило в условиях, когда будущий неофит оставался один на один с внешним давлением. Со второй трети XVIII в., когда правительство начало привлекать татар в организацию меновой торговли на юго-востоке, караванные пути превратились в ключевой канал для отправки жаждущей знаний честолюбивой татарской молодежи в медресе Средней Азии, затем нередко из Бухары — в Афганистан и Индию. Духовные лица, получившие образование в Средней Азии и уважительно именуемые в народе «дамулла», создавали вместе с купцами школы высшего типа для подготовки улемов. То, что в исторической литературе именуется «шариатизацией» в XIX в.⁴, в действительности являлось следствием многоплановых, сложных, порой драматических процессов, вызванных последствиями массовой насильственной христианизации мусульман во второй трети XVIII в., и обнаруживало стремление элит защитить религиозную идентичность населения.

Екатерининский указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» впервые провозгласил принцип веротерпимости к исламу в Российской империи.

Юридическое закрепление различных аспектов религиозно-культурной автономии мусульман началось в XVIII в. После инициированных правительством в 1742–1743 гг. массовых сносов исламских богослужебных зданий в Казанской, Симбирской и Астраханской губерниях закон от 22 июня 1744 г. разрешил постройку мечетей при соблюдении определенных условий⁵.

Институциональным закреплением политики признания мусульманского духовенства стало открытие в 1789 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Новый правительственный институт — Духовное собрание — представлял собой коллегиальное учреждение, состоящее из муфтия, трех кадиев (заседателей) и служащих канцелярии, где дела решались простым большинством голосов его членов. В округ ОМДС вхо-

4. Sartori, P. (2017) "Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: An Introduction", *Islamic Law and Society* 24 (1–2): 14.
5. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: "Ab Imperio", 2017. С. 84, 86.

дила территория, оказавшаяся в составе России во второй половине XVI — второй трети XVIII в., за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и степных областей (с 1868 г.).

Появление Духовного собрания в качестве головного звена религиозно-культурной автономии мусульман Волго-Уральского региона и Западной Сибири в определенной степени придавало ей завершенность. Неотъемлемым элементом такой автономии явилось регулирование многих сторон повседневной жизни мусульман нормами шариата (что придавало особый статус мусульманскому сообществу в России) государственными законами и обычным правом в сельских обществах.

В Российской империи было учреждено четыре правительственных религиозных управления мусульман. Как было сказано, в конце XVIII в. появилось Оренбургское магометанское духовное собрание (1789 г.), в 1832 г. — Таврическое магометанское духовное правление (объявлено об учреждении в 1794 г.). В 1873 г. были образованы управления духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье, которые не распространялись на Черноморскую губернию, Дагестанскую, Батумскую и Карскую области, а также Закатальский и Сухумский округа. Не имели духовных управлений казахи (в 1868 г. они властями выведены из административного ведения ОМДС), а также мусульмане, расселенные в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии⁶.

В каждом из регионов компактного расселения мусульман имелись свои особенности в структуре и управлении исламскими институтами, в степени реализации религиозных прав, в том числе границах применения норм шариата, что было обусловлено принадлежностью мусульман к различным мазхабам, уровнем общественного развития до присоединения к России и политикой новой власти.

В порядке регулирования властью применения положений шариата в округе ОМДС следует выделить следующие моменты.

6. Загидуллин И. К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 200-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 3–11.

(1) Применение норм шариата без изменений (общие правила заключения брака и развода, уплата махра, определение круга наследников и их долей).

(2) Синкретический характер некоторых норм шариата вследствие влияния народных обычаев (шариатский институт махра был переплетен с институтом калыма, обычаем выкупа невесты).

(3) Добровольность применения многих правил и норм, не урегулированных законом (нормы ислама о предварительном браке, выплата заката, запрет пьянства, курения и ростовщичества).

(4) Наличие альтернативы шариатскому суду: право лица, не согласного с судебным решением муллы, обращаться в светский суд, который в своих действиях также должен был руководствоваться шариатом.

(5) Верховенство завещания над нормами шариата.

(6) Дополнение шариатских норм новыми правилами: ведение метрических записей (1828 г.), увеличение срока погребения умершего до 3 суток (1830 г.), обязательное участие приходского духовного лица при заключении и расторжении брака, первоначальном разделе имущества, совершении похорон и др.

(7) Запрещение шариатских норм: непризнание вакуфа, запрет на производство семейных разделов на самостоятельные хозяйства (1886 г.), на применение предписанных шариатом наказаний, процессуальных норм и т.д.⁷

(8) Изменение норм шариата: изменение брачного возраста с 15 и 9 лет на 18 и 16 лет соответственно для юношей и девушек (1835 г.), дозволение развестись женам, мужья которых пропали без вести, то есть не подавали известий о себе более 5 лет (1837 г.), или были сосланы в Сибирь с потерей (1836 г.) и без потери всех прав и состояний (1892 г.)⁸.

Правовое регулирование в целом завершилось во второй трети XIX в., что было связано, с одной стороны, с кодификацией законов в государстве, с другой — качественными изменениями в религиозно-духовной жизни мусульман региона под влиянием активной деятельности духовенства, так называемой «шариа-

7. Мухаметзарипов И.А. Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX вв. Казань, 2012. С. 117–118, 188–189.

8. Garipova, R. (2017) "Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-century Russia", in D. Ross, P. Sartori (eds) *Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*, pp. 171, 174–176. Edinburgh: Edinburgh University Press.

тизацией». Однако устав ОМДС, составленный властями только в 1857 г., содержал множество изъянов и требовал дополнений, учитывающих новые реалии социально-экономической жизни традиционных общин, духовного развития мусульман и исламских институтов.

По этой причине муфтии предпринимали попытки расширить сферу использования норм шариата. Среди таких инициатив следует выделить проигнорированные имперской властью проект С. Тевкелева «О правах магометан по вероисповеданию» (1867 г.), ходатайства М. Султанова о введении в округе ОМДС с некоторыми дополнениями «Временных правил по управлению и заведению вакуфными имуществами Таврической губернии» от 5 апреля 1891 г., об утверждении правил по управлению вакуфными имуществами в округе Духовного собрания (1894 г.), о замене действующего устава ОМДС «Положением об управлении Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. (1905 г.)⁹. Эти инициативы не достигали цели, потому что противоречили внутривластному курсу самодержавия пореформенного периода по постепенной секуляризации правового поля империи.

Одновременно ОМДС искало пути для облегчения тяжелого положения мусульманок, брошенных мужьями. Школа права ханафитского мазхаба, последователями которой являлись мусульмане-сунниты округа ОМДС, не предусматривала развода по инициативе женщины. Между тем, правовые школы шафиитского и маликитского мазхабов признавали уважительным доводом для развода в таких случаях факт материального необеспечения мужчиной своей супруги.

Крупнейшие татарские богословы Утыз-Имяни (1752–1836) и Г. Курсави (1776–1812) считали необходимым следование традиционному ханафитскому мазхабу, а Ш. Марджани (1818–1889) допускал выход за его рамки¹⁰.

В условиях модернизации необходимость привлечения юридических заключений неханафитских мазхабов для социальной

9. Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 44–102.

10. Адыгамов Р.К. Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII — начале XX в.: история развития и тенденции обновленчества в мусульманской умме: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Казань, 2022. С. 12.

защиты женщин, брошенных мужьями, неожиданно была озвучена ОМДС в 1896 г. Стремясь внести системность в решение острой и болезненной общественной проблемы брошенных женщин, большинство которых проживало в нищете и нередко превращалось в маргинальный элемент сообщества, 3 сентября 1896 г. кадий Р. Фахретдин от лица религиозного управления обратился к улемам с предложением рассмотреть возможность предоставить этой группе женщин право развода и право на повторное замужество.

Первый вопрос касался правомочности заключения брачного контракта, дающего женщине право объявлять о своем разводе в присутствии местного приходского имама. ОМДС предлагало проект брачного контракта, содержащего четыре пункта, нарушение одного из которых уже давало женщине право требовать от мужа безвозвратный развод (талак ба'ин).

Вторым вопросом кадий уточнял целесообразность, с точки зрения шариата, заключения такого обязательного контакта для всех новобрачных в округе ОМДС. Третий вопрос касался альтернативных методов, которые могли бы облегчить развод жен со ссыльными и пропавшими мужьями. Кадий озвучил позицию Духовного собрания: использовать заключения правовых школ других мазхабов. Фахретдин опубликовал полученные ответы духовных лиц в книге «Мөталәга (Мутала'а): Идарә-и Исламия Бҗырыңбургия үзәрәнә галимләрәмез тарафындан никах хосусында язылмыш әфкярләрнең холясасы жәмеғь иделмеш рисаләдер» («Размышление: сборник мнений улемов по вопросу о браке, направленных в Оренбургское духовное собрание»). Однако дальнейших шагов в этом направлении ОМДС не предприняло¹¹.

В последующие десятилетия Р. Фахретдин не обращался к вопросам привлечения наработок правовых школ других мазхабов для решения социальных проблем мусульман-ханафитов, сосредоточившись на изучении первоисточников ислама¹². По всей видимости, инициатива использования заключений других мазхабов исходила от муфтия М. Султанова, который до назначения председателем Духовного собрания имел двадцатилетнюю административно-юридическую практику, или от почетного секретаря

11. Гарипова Г. Роль Ризаэддина Фахретдина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Том. 5. № 2. С. 206–224.

12. Адыгамов Р. К. Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII — начале XX в. С. 12.

ОМДС в 1895–1901 гг. юриста Абуссугута Ахтямова, работавшего ранее судебным следователем (1891–1893 гг.)¹³, а Р. Фахретдин изложил данное мнение на понятном для духовенства языке, оформив «в обертку» шариатских норм. Полагаем, что данная идея была извлечена из общения вышеназванных лиц с членами Редакционной комиссии, учрежденной в 1882 г. для составления проекта нового Гражданского уложения, или из ее наработок. Работа над текстом проекта Гражданского уложения интенсивно осуществлялась начиная с 1896 г. Именно в нем были комплексно проанализированы мнения различных правовых школ — мазхабов по конкретным вводимым новшествам.

Новшества проекта Гражданского уложения в отношении мусульман России

В начале XX в. апогеем реализации политики секуляризации призван был стать проект Гражданского уложения. В лучших традициях авторитарного режима обсуждение текста нового кодекса оказалось ограничено чиновничьими кругами: его фрагменты были разосланы в различные судебные, правительственные и научные учреждения¹⁴. В 1899 г. Редакционной комиссией была издана книга V («Обязательственное право») проекта Гражданского уложения, затем увидели свет книги II («Семейственное право»), III («Вещное право»), IV («Наследственное право») и I («Общие положения»)¹⁵.

Имеющаяся научная литература о деятельности Редакционной комиссии не дает ответа на вопрос, «каким способом осуществлялся сбор “сведений о неправославных вероисповеданиях, о связанном с ними стереотипах правосознания и поведения”»¹⁶. Скорее всего, данная работа осуществлялась инкогнито, без специального обращения к мусульманским религиозным правле-

13. Исхаков С.М. Ахтямов Абуссугут Абдельхаликович // Башкирская энциклопедия. Т. 1. А-Б. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 253–254.

14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. М., 2003. С. 77.

15. Слыщенко В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: дисс. канд. ист. наук. М., 2003. С. 94–95.

16. Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века // Законодательство. 2015. № 2, с. 88–94; № 3, с. 88–94; № 4, с. 88–94; № 5, с. 88–94 [tomsinov_v.a-razrabotka_proekta_grazhdanskogo_uloz.pdf, доступ от 1.08.2023].

ниям страны. Косвенно наш вывод подтверждает факт приезда в марте 1900 г. встревоженной делегации татар г. Казани к столичным чиновникам, которые заверили мусульман, что новое Брачное уложение не коснется шариата и интересов мулл, так как сохранятся нормы мусульманского и брачного права¹⁷.

В 1903–1904 гг. Редакционная комиссия обсуждала поступившие предложения, с учетом которых проект был в значительной степени доработан; в конце 1905 г. были изданы все пять книг проекта кодекса для дальнейшего законодательного продвижения¹⁸.

В качестве основополагающих начал, положенных в основание проекта кодекса законов, составителями были названы идея справедливости, предоставление возможности широкого простора усмотрению суда и по возможности облегчение заинтересованным лицам обращения к суду¹⁹.

Большинство нововведений проекта кодекса законов вводилось комплексно в отношении отдельных или нескольких нехристианских конфессий, или всех категорий верующих в России. Его особенностью и достоинством являлось наличие объемных «пояснительных записок» Редакционной комиссии к части статей кодекса, в которых уточнялся ряд сюжетов, имевших отношение к данному положению. Это и история вопроса, если это новшество — мотивы и аргументы такого «целесообразного» решения, анализ современного состояния законодательства, с одной стороны, с другой — применение его положений в реальной жизни. Важно отметить, что в этих текстах был представлен комплексный анализ действующих норм шариата в округах ОМДС и ТМДП, Закавказских суннитском и шиитском духовных округах и на российских окраинах, где компактно проживали мусульмане. В целом, в оценках нормативной базы мусульманского суда и судебной деятельности приходского духовенства практически

17. Хабутдинов А. Ю. Традиции татарского правосознания: от шариата к современному праву // Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Материалы итоговой научно-практической конференции КФЮИ МВД России. Казань: ЦЭСИ, 1997. С. 47.

18. Слыщенко В. А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права, с. 94–95; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права, с. 77.

19. Тютрюмов И. Предисловие // Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. М.: Волтер Клувер, 2007. С. XI–XII.

всегда доминировали негативные нотки. Эти тексты, свидетельствуя о высокой квалификации авторов, проанализировавших весь корпус российских законов, позволяли проследить издержки в фиксации положений, регулирующих семейно-брачные и наследственные дела мусульман, в различных нормативных актах, в правилах, которые ранее были введены властями в нарушение норм шариата с целью некоторой унификации системных проблемных вопросов в среде российских подданных, а также новшества, закрепившие на законодательном уровне местные традиции, которые теперь признавались мусульманами «своими», но не были, по мнению Редакционной комиссии, точно регламентированы шариатом²⁰. Один из активных членов Редакционной комиссии, специализировавшийся на крестьянах и мусульманах В. Ф. Мухин, издал в 1898 г. «Очерк магометанского права наследования»²¹.

В сфере наследственного права проектом уравнивались одинаковые наследственные права мужчин и женщин (кн. 4, ст. 15)²².

Положения о браке, разрозненные в различных томах «Свода законов Российской империи», в проекте были сосредоточены в одном томе по тематике. Сохранив в неизменном виде религиозную форму брака, Редакционная комиссия структурировала систему изложения правил действующего законодательства. Новая доктрина была оформлена по принципу «систематического объединения правил о браке различных вероисповеданий, с выделением общих для всех исповеданий правил»²³. Приведенные ссылки на кодексы западных стран свидетельствовали об ориентированности Редакционной комиссии на законы индустриальных обществ.

По итогам структурирования «семейственного права» по новым принципам, в проекте появились отделения «Общие правила для всех вероисповеданий» (глава I «Общие правила о браке», ст. 1–14) и «Правила для всех исповеданий» (глава III «Соверше-

20. Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–349 с объяснениями. СПб., 1902. С. 67–87, 353–384.

21. Мухин В. Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб.: Издание Редакционной комиссии по составлению гражданского уложения, 1898.

22. Гражданское уложение. Книга 4. Наследственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии Гражданского уложения. С объяснениями. СПб., 1902. С. 30.

23. Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. С. 50.

ние бракосочетания», ст. 60–71, и глава XI «Расторжение брака», ст. 157–182). В них, исходя из гуманитарной целесообразности и с учетом европейского опыта, были унифицированы некоторые общие моменты, которые, как оказалось, противоречили и нормам шариата. В частности, согласно главе I «Общие правила о браке» брачующиеся, не достигшие 25-летнего возраста, должны заручаться до брака разрешением родителей (кн. 2, ст. 3)²⁴. Запрещалось заключение брака между усыновителем и усыновленным (кн. 2, ст. 9, п. 3)²⁵, что стало следованием традиции русской православной и других христианских церквей. Устанавливался 306-дневный срок до повторного замужества женщины для определения отсутствия беременности, с некоторыми изъятиями из общего правила (кн. 2, ст. 11)²⁶.

Радикальная критика применяемых норм шариата в среде мусульман, придерживающихся различных мазхабов, была направлена на формирование аргументированного вывода Редакционной комиссии о том, что реформа брачного права нехристиан необходима, потому что «брачное право евреев и магометан находится в весьма неудовлетворительном состоянии». На основании этого заключения «существующий порядок подсудности дел брачного состояния лиц еврейского и магометанского вероисповедания» был признан «несоответствующим правилам их вероисповедания и нецелесообразным»²⁷. По этой причине дела о расторжении и недействительности браков мусульман объявлялись подчиненными гражданскому суду²⁸. В ст. 161 главы XI «Расторжение брака» объявлялось, что «дела о расторжении браков раскольников, баптистов и иных сектантов иноверных исповеданий, евреев, караимов и магометан ведаются гражданским судом». С учетом того, что духовенство ведет метрические книги, было решено сохранить за духовными лицами евреев, караимов и мусульман право расторжения брака прихожан по взаимному согласию супругов (кн. 2, ст. 161)²⁹. После оформления гражданским судом развода супругов мулла должен был на правах нотариуса зафиксировать его постановление в метрической книге прихода

24. Там же. С. 8.

25. Там же. С. 20–22.

26. Там же. С. 27.

27. Там же. С. 50.

28. Там же. С. 78.

29. Там же. С. 265.

(ст. 195)³⁰. Эта была единственная уступка Редакционной комиссии в данном вопросе.

Проектом Гражданского уложения также вводилось новшество, позволяющее сохранять брак в случае отказа одного из супругов от своего вероисповедания и перехода в другое и совместное проживание лиц с различными религиозными традициями (кн. 2, ст. 96, 98, 99, 100)³¹. Также проектом не допускался развод жены, зависящий единственно от воли мужа (талак)³².

С целью выяснения отсутствия законных препятствий к браку для мусульман, в том числе проживавших в округе ОМДС, становилось обязательным оглашение о предстоящем браке по месту жительства жениха и невесты в мечетях «в три ближайшие между собою воскресные или праздничные дни перед окончанием богослужения» и еще одно — по прежнему жительству помолвленного, если со времени перемены им места жительства прошло менее трех месяцев (кн. 2, ст. 61)³³.

Одним из наиболее важных отступлений от действующих гражданских законов явилось предоставление судом возможности супругам раздельного проживания (кн. 2, ст. 141–150)³⁴.

Таким образом, новшества проекта Гражданского уложения для мусульман в решении семейно-брачных вопросов и раздела наследства заключались, во-первых, в ограничении применения шариата и «адаптации» судопроизводства в вышеназванных сферах к потребностям модернизирующегося российского общества; во-вторых, проект кодекса изымал у приходского духовенства несколько важнейших компетенций, обеспечивающих его высокий статус, авторитет, социальное положение и источник дохода в приходе.

«Политика доверия общественным силам» 1904–1905 гг.

Новые веяния во внутриполитическом курсе правительства начала XX в. обозначил манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., с воодушевлением встреченный мусульманским населением.

30. Там же. С. 364.

31. Там же. С. 142–144.

32. Там же. С. 76, 377.

33. Там же. С. 104, 105.

34. Там же. С. 235–252.

В условиях роста общественной напряженности в стране российский государь, ища поддержку у своих подданных, обещал в ближайшей перспективе «непреклонною решимостью немедленно удовлетворить» их назревшие нужды. Среди них первой была названа необходимость защиты религиозных прав нерусского населения: «Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»³⁵.

Манифест от 26 февраля 1903 г. усилил в элитах общественную смелость. Собравшиеся в сентябре 1903 г. на Нижегородской ярмарке татарские купцы подали оренбургскому муфтию, как председателю правительственного учреждения, курирующего религиозные вопросы, «длинное прошение», протестуя против изложенной в проекте Гражданского уложения передачи процедуры разводов в гражданские судебные инстанции. Они полагали, что Духовное собрание доведет их коллективное единодушное мнение до адресата. В петиции значилось: «Подчинение брачных дел судам гражданским вызовет большие осложнения и умственные брожения среди магометан, привыкших к строгому исполнению и повиновению постановлениям Корана и шариата. Это брожение, несомненно, отразится неблагоприятным образом прежде всего на самом институте брачного союза, который в данном случае может не только не окрепнуть, но и совсем расшататься»³⁶.

Эта история имела продолжение. Анонимный автор («Казанец») в газете «Тарджеман» (г. Бахчисарай) от 13 апреля 1904 г. сообщал: «Слухи о том, что проект нового Гражданского уложения вводит изменения в брачное и разводное права мусульман, изменения, не согласные с положениями шариата, уже давно смущали мусульманское население внутренней и восточной России. Было слышно, что в Оренбургское духовное собрание и в Министерство внутренних дел были посланы прошения и записки». «Казанец» поделился и последними новостями:

35. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание 3-е. Т. 23. СПб.: Гос. тип., 1905. № 22581.

36. Габдрафикова Л. Р. Расторжение браков в татарском мусульманском обществе в конце XIX — начале XX века // Российская история. 2013. № 5. С. 126.

«По этому же делу отбыли в С.-Петербург в качестве избранных от казанского мусульманского общества почетные лица — Валиулла Гиззатуллин, Халилулла Галеев и Ахмеджан Сайдашев. Эти депутаты имели честь представляться в столице г. директору департамента иностран[ных] исповеданий Мосолову, директору департамента Минист[ерства] юстиции и его сиятельству министру юстиции графу Муравьеву. Все эти высокопоставленные лица уверили господ депутатов, что новое гражданское уложение не коснется шариатских и религиозных интересов мусульман, и просили депутатов быть вполне спокойными»³⁷. В условиях неудачно начавшейся для России русско-японской войны сановники посчитали благом успокоить мусульман ложной информацией.

Огромное влияние на общественную активность населения оказала «политика доверия к общественным силам», провозглашенная 16 сентября 1904 г. министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским. Именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. стал следующим публичным заявлением самодержавия о стремлении провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений. В частности, было заявлено о намерении принять «ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6)³⁸.

В связке с этими инициативами власти следует рассматривать именной указ Николая II «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 апреля 1905 г.³⁹, который впервые предоставил подданным, «радеющим об общей пользе и ну-

37. Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е–1905 гг.: документы и материалы / авт.-сост. И. К. Загидуллин, Н. С. Хамитбаева, Л. Ф. Байбулатова, Х. З. Багаутдинова. Казань, 2014. С. 145–146.

38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 24. СПб.: Гос. тип., 1907. № 25495.

39. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. СПб.: Гос. тип., 1908. № 25853.

ждах государственных», «частным лицам и учреждениям» петиционное право⁴⁰.

Этот указ вызвал массовые петиционные кампании представителей самых различных социальных, профессиональных и конфессиональных групп населения, в том числе мусульман Волго-Уральского региона, подавших за несколько месяцев в адрес императора и Комитета министров более 500 прошений о своих религиозных нуждах⁴¹. Причем нередко прибывавшие в Санкт-Петербург депутаты мусульманских обществ подавали российским сановникам петиции лично, получая от них устные заверения в неуклонном удовлетворении своих запросов.

Однако летом 1905 г. в риторике власти наметились новые нотки. Согласно манифесту от 6 августа 1905 г.⁴², впредь все новые законы должны были предварительно рассматриваться и утверждаться в Государственной думе.

Таким образом, предоставленные имперской властью невиданные в истории России демократические свободы впервые дали мусульманам право и возможность, не боясь нежелательных последствий, открыто выражать свое мнение о нелицеприятных «моментах» этноконфессиональной политики власти, указывать на статьи законов, ущемляющие религиозные права единоверцев, действуя в соответствии с публичным заявлением российского государя об упразднении в ближайшее время «стеснений» по конфессиональному признаку, имеющихся в действующем законодательстве.

Тема проекта Гражданского уложения в петициях мусульман

Очевидно, большинство сельских мулл и крестьян не слышали о проекте нового кодекса законов. Тем не менее, содержание их петиций незначительно отличается от прошений тех, кто выражал свое отношение к проекту Гражданского уложения. В аб-

40. Сенчакова Л. Т. Предисловие // Приговоры и указы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. документов / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 4.

41. Сеньюткина О. Н., Гусева Ю. Н. «Кампания петиций» 1905 года как отражение общественного сознания мусульман России начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Т. 7. № 2. С. 311–319.

42. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. СПб.: Гос. тип., 1908. № 26661.

солютном большинстве прошений сельских мусульман, адресованных императору, председателю Комитета министров, Особому совещанию по делам веры, звучали, с одной стороны, требования об отмене ряда имперских законов пореформенного периода, принятых в отношении конфессиональных школ и духовенства, как неотъемлемого условия реализации религиозно-культурной автономии, а с другой — о закреплении всех религиозно-духовных вопросов за ОМДС, в том числе передачи брачных, семейных и наследственных дел, управления вакуфами в компетенцию религиозного управления как последней инстанции по вынесению решений. Передача наследственных дел в компетенцию Духовного собрания означала прекращение практики обращения недовольных решением шариатского суда в светские судебные инстанции.

В нескольких петициях проект Гражданского уложения упоминался в качестве кодекса законов, неприемлемого для мусульман. Так, например, в адресованном императору прошении доверенного общества мусульман дер. Кульбаево-Мурасы Чистопольского уезда Казанской губернии (март 1905 г.) передача проектом Гражданского уложения вопросов расторжения браков ведению гражданского суда было оценено как религиозное притеснение: «В случае утверждения этого проекта в таком виде исполнение этого закона повлечет со стороны нас, магометан, принудительное отступление от правил религии»⁴³.

В сельской местности организацией подачи прошений руководили муллы, которые были кровно заинтересованы в сохранении прежних порядков. Поэтому в ряде прошений этот вопрос увязывался с угрозой потери приходским духовенством прежних компетенций⁴⁴. В петиции уполномоченных Каинлинского сельского общества Мензелинского уезда Уфимской губернии (5 апреля 1905 г.) эта тема излагалась в следующем виде: «Оставить без изменения за нашим духовенством право решать дела о заключении и расторжении браков по шариату, не подчиняя этого рода дела общим гражданским законам, как это проектировано Гражданским уложением... это повлечет неизбежно отступление от правил нашей религии и даже Корана, который мы, магометане, чтим священным»⁴⁵.

43. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 15. Л. 291 об. — 292.

44. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 25. Л. 210–210 об.

45. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 31. Л. 150.

Нас интересуют петиции с протестами на конкретные статьи проекта Гражданского уложения. Таких петиций выявлено несколько. В частности, довольно обстоятельно были проанализированы статьи книг II и IV проекта Гражданского уложения в прошении «мещан и ясачных крестьян» дер. Юлук 1-й Бурзянской волости Орского уезда Оренбургской губернии, адресованном 12 апреля 1905 г. председателю Комитета министров⁴⁶. Выразив недоверие компетентности светского суда в разбирательстве бракоразводных споров, просители заявили, что, «какие бы практические удобства ни обещали новые светские суды», они остаются «при духовных судах»⁴⁷. По регламентации семейно-брачных отношений, помимо ст. 161 проекта кодекса (кн. 2, с. 265) об обязательной передаче бракоразводных дел в гражданский суд, просители высказали претензии к статье 162, дающей такое же право обращения по бракоразводным делам язычникам (кн. 2, с. 266); к статье 165, согласно которой «просить о расторжении брака может супруг лица, которое объявлено неизвестно отсутствующим по правилам Устава гражданского судопроизводства» (кн. 2, с. 300); к статье 194, включенной как дополнение к ст. 163 по разводу по просьбе одного из супругов, содержащей следующие положения: (1) неизлечимой прилипчивой и крайне отвратительной болезни другого супруга; (2) неизлечимой душевной болезни другого супруга, продолжающейся во время брака в течение трех лет (кн. 2, с. 353). Вне внимания ходатайствующих не осталась и статья 182, согласно которой просьба о расторжении брака «может быть подана только после истечения трех лет со дня бракосочетания, за исключением того случая, когда начавшаяся недееспособность к супружескому сожитию произошла от умышленного со стороны самого супруга телесного повреждения» (кн. 2, с. 332)⁴⁸.

Специального упоминания требует «записка» уполномоченного мусульманской общины г. Троицка Оренбургской губернии ахуна Ахмадхази Габделзакировича Рахманкулова (1837–1921) с замечаниями на книги 2 и 4 проекта кодекса законов, адресованная (не позднее конца мая — июня 1905 г.) Особому совещанию по делам веры под председательством А.П. Игнатьева, призванному разработать, согласно указу от 17 апреля 1905 года

46. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 25. Л. 107–107 об.

47. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 25. Л. 108.

48. РГИА. Ф. 825. Оп. 10. Д. 25. Л. 107–107 об.

«Об укреплении начал веротерпимости», рекомендации по различным аспектам ущемления российских подданных по конфессиональному признаку.

Среди прочих петиций «записка» ахуна Рахманкулова является наиболее большим по объему и самым квалифицированным по содержанию текстом от представителей мусульманских элит. В нем имеются ссылки на книги «Мусульманское право» (1866) барона Торнау, «Восточные этюды. Законодательство мусульманское, о родстве и разводе» (1893) профессора Нофаля, «История мусульманства с древнейших времен» (1895) Августа Мюллера, а также на Коран в переводе Г. С. Саблукова (1877). Критика осуществлена в лучших традициях европейской цивилистики, по каждому суждению даны ссылки на конкретные статьи соответствующих книг кодекса или на другие источники, в том числе на аяты Корана.

У нас не вызывает сомнения, что авторами записки были несколько человек (по мусульманскому праву — скорее всего, сам Рахманкулов и еще кто-то из духовенства Троицка, а также специалист по российскому праву). Поскольку других авторов записки выявить не удалось, будем называть ее далее «запиской Рахманкулова».

Критика Рахманкуловым проекта кодекса примечательна в нескольких отношениях. Ахун принимал как должное общеимперские правила, ранее законодательно закрепленные нарушения норм шариата в сфере семейно-брачных отношений, а также нормы, отражающие национальные традиции мусульманских народов. Допустив возможность существования ряда новшеств, также предполагающих ограничение шариатских норм, он критиковал только некоторые, по его мнению, наиболее важные пункты проекта Гражданского уложения. Острую неприязнь и подлинную обеспокоенность у Рахманкулова вызвали собственно комментарии, категорические выводы и острая критика Редакционной комиссии: (1) Корана и шариата, (2) судебной практики приходского духовенства, (3) внутренних противоречий, несогласованности статей в «Своде законов Российской империи», в целом казуистичности законов, регламентирующих применение норм шариата в различных духовных округах и на российских окраинах. На основе этих сюжетов складывалась убежденность Редакционной комиссии в необходимости системной ревизии и изменения сложившегося порядка подсудности семейно-брачных дел мусульман.

Ахун выразил свое принципиальное несогласие по поводу введения нормы гражданского суда при бракоразводных делах мусульман как противоречащей принципам веротерпимости, которые закреплены в Основных государственных законах (ст. 45) и манифесте от 26 февраля 1903 г., в котором говорится о защите религиозной свободы российских подданных⁴⁹.

Рахманкулов остро критиковал установление государственного контроля над различными формами расторжения мусульманских браков и требовал непременного сохранения рассмотрения бракоразводных дел по правилам шариата муллами (первая инстанция) и ОМДС (вторая инстанция), и в случае жалоб на религиозное управление — в Министерстве внутренних дел, где дела разбирались с чисто формальной стороны⁵⁰. От внимательного взора автора «записки» не ускользнула привилегия, предоставляемая христианам при бракоразводных делах. Если для мусульман решение светского суда являлось окончательным, то для христианского духовного суда этот документ был только основой для принятия собственного окончательного решения (даны ссылки на ст. 172, 173, 181 и 189). Основываясь на этом, Рахманкулов высказался за установление единообразия с тем, чтобы и для мусульман светский суд выступал только в качестве «преюдициально-посредствующей роли».

Еще одно ущемление прав мусульман, обусловленное игнорированием в проекте кодекса мусульманской традиции, автор «записки» увидел в запрещении брака между усыновителем и усыновленным (кн. 2, ст. 9, п. 3)⁵¹.

Рахманкулов также не согласился с установлением 306-дневного срока перед повторным замужеством женщины (кн. 2, ст. 11)⁵².

Ахун нашел противоречие с мусульманскими нормами и в установлении по проекту кодекса правила, согласно которому брачующиеся, не достигшие 25-летнего возраста, должны заручиться разрешением родителей, тогда как по шариату согласие родителей или опекунов требуется только для лиц, не достигших половой зрелости.

49. Там же. Л. 259.

50. Там же. Л. 259 об.

51. Там же. Л. 263.

52. Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. С. 27.

К области игнорирования исламской традиции Рахматуллин отнес положение об обязательности оглашения брака мусульман по месту жительства жениха и невесты в мечетях «в три ближайших между собою воскресные или праздничные дни перед окончанием богослужения» (даны ссылки на кн. 2, ст. 61 и 62), отметив, что общественные богослужения единоверцев происходят в пятницу, а не по христианским канонам⁵³.

Некоторые положения проекта Гражданского уложения в семейно-брачной сфере имели прямое отношение к межконфессиональным отношениям. Редакционная комиссия вводила, согласно терминологии Рахманкулова, «кошунственное по мусульманским воззрениям новшество», позволяющее сохранять брак в случае отказа одного из супругов от своего вероисповедания и перехода в другое, и допускающее совместное проживание лиц с различными религиозными традициями (даны ссылки на ст. 96, 98, 99, 100). Новое правило входило в противоречие с мусульманской традицией, согласно которой «с отпадением одного из супругов от мусульманской веры разрушается и сам брак»⁵⁴.

Для обоснования неправильности уравнивания проектом кодекса наследственных прав мужчин и женщин (кн. 4, ст. 15) автор «записки», с одной стороны, ссылаясь на существующую религиозную традицию, в которой четко прописаны нормы наследования («По Корану [стих 12, глава 4] доля сына в наследстве равна доле двух дочерей»), с другой — на социальные отношения: возложение государством на мужчин множества повинностей «с воинской повинностью во главе». Следовательно, констатировал Рахманкулов, «мужчина имеет право на предпочтительное удовлетворение из наследства средствами, необходимыми для правильного отбывания этих повинностей»⁵⁵.

В заключение Рахманкулов выразил твердую уверенность в том, что проект Гражданского уложения относительно мусульман «останется в области безуспешных, бесплодных литературных работ и законодательной санкции никогда не удостоится». При этом он не отказывался от диалога, рекомендуя приглашать для обсуждения вопросов мусульманского брачного права специалистов — членов ОМДС или самого оренбургского муфтия⁵⁶.

53. Там же. Л. 262, 264.

54. Там же. Л. 263 об.

55. Там же. Л. 264.

56. Там же. Л. 264 об.

Таким образом, революционные события 1905 г. воспринимались мусульманскими элитами как исторический шанс, чтобы повысить статус исламских институтов. Благодаря доминированию факторов объединения над факторами внутреннего расслоения мусульманских общин, кампания подачи прошений стала примером взаимодействия традиционалистов и джадидистов. Эти инициативы мусульман, по сути, означали необходимость делегирования ряда государственных и полицейских полномочий по контролю духовно-образовательных вопросов в распоряжение ОМДС, председатель и члены которого должны были избираться мусульманами, а также предполагали уравнивание прав всех признаваемых в стране конфессий. В представлении участников петиционной кампании проект Гражданского уложения был сильным ударом по мусульманскому сообществу.

Решения совещаний и съездов мусульман о границах применения норм шариата

Помимо подачи петиций мусульманские элиты организовали несколько совещаний и съездов, на которых сумели выработать концептуальные документы и представить некоторые из них на рассмотрение имперских структур. Прежде всего, узнав о решении Комитета министров от 1 марта 1905 г., в котором речь шла о составлении новых уставов для планировавшихся к учреждению религиозных управлений (которые так и не были открыты — *авт.*), муфтий М. Султанов получил согласие председателя Комитета министров С. Ю. Витте на созыв совещания улемов и разработку аналогичного документа для ОМДС.

Участниками Курултая (10–15 апреля 1905 г.) были 39 имамов из не менее чем 18 губерний и областей. Из них 27–30 были приглашенными, остальные прибыли в Уфу по своей инициативе. Среди приглашенных большинство составляли джадиды⁵⁷.

В проекте устава ОМДС, составленном участниками Курултая на татарском языке, к пункту о передаче в исключительную компетенцию мусульманских духовных учреждений «споров по семейным и имущественным правоотношениям, по наследованию по шариату и завещанию» имелось примечание, в котором указывалось: «Ограничения, указанные в ныне действующем законода-

57. Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 96–101.

тельстве, а равно и в проекте нового Гражданского уложения, выработанном Высочайше учрежденной Редакционной комиссией по составлению нового Гражданского уложения, имеют быть отменены»⁵⁸. Духовные лица высказались не только за непринятие проекта Гражданского уложения, но и, имея в виду указ от 12 декабря 1905 г., решительно потребовали упразднить все ограничения религиозных прав мусульман в действующем законодательстве. Этот тезис можно было интерпретировать по-разному, в том числе и как уравнивание религиозных прав мусульман с православными, а религиозного управления — с духовными консисториями и т.д. По этой и по другим причинам «смешанная комиссия», организованная муфтием М. Султановым и состоявшая из лиц, знающих специфику функционирования религиозных институтов и делопроизводственную практику, проведя редакторскую правку текста, смягчила некоторые положения, в том числе изъяла требование об упразднении всех ограничений религиозных прав мусульман в действующем законодательстве. Затем приведением текста в соответствие с требованиями, предъявляемыми к нормативному акту, и его переводом на русский язык занимался, главным образом, член «смешанной комиссии» — вышеупомянутый Абуссугут Ахтямов, который пригласил в помощь своего коллегу, известного юриста Альбинского.

По сути, проект устава ОМДС являлся нормативным актом, заявляющим религиозно-культурную автономию в условиях свободы вероисповедания и гражданского равноправия. Статья 1 окончательного варианта проекта устава, отосланного муфтием в столицу 12 мая 1905 г., гласила: мусульмане «пользуются полной свободой отправления своей веры и богослужения повсеместно в империи и всеми общегражданскими правами наравне с русским населением, как полноправные граждане государства, не подвергаясь никаким ограничениям и стеснениям в своих правах как магометане-сунниты, и в сфере своей духовно-религиозной жизни управляются в пределах, предоставленных общими государственными законами, своими религиозными законами и правилами шариата»⁵⁹.

Исключительные предметы ведения мусульманских духовных учреждений были перечислены (ст. 19) в 12 пунктах, в числе которых значатся: «спору по семейным и имущественным право-

58. Там же. С. 275.

59. Там же. С. 249.

отношениям, по наследованию по шариату и завещанию» (п. 5), учреждение и контроль над вакуфами (п. 11) и др.⁶⁰

Таким образом, в предоставленном в Комитет министров варианте проекта устава произошло качественное изменение, вызванное стремлением юристов изъять пункты, могущие дискредитировать духовных лиц и ОМДС как нелояльных имперской власти. В официальном варианте проекта речь шла о сохранении действующей модели применения норм шариата с лишением светских судов права рассмотрения дел раздела имущества мусульман в случае их обращения, с добавлением положения о вакуфах, что, по сути, было материализацией безуспешных ходатайств оренбургских муфтиев последней трети XIX в.

В резолюции чистопольского совещания (20–22 мая 1905 г.) общественных деятелей из различных регионов страны (более 500 участников) от 20 мая, созванного будущими татарскими эсерами Г. Исхаки, торговцем М.-Г. Бадамшиным и муллой И. Камаловым в рамках свадьбы сестры последнего, выдвигались главным образом требования демократических свобод и гражданского равноправия. Однако первым пунктом в резолюции была указана «полная свобода совести и религии»⁶¹.

История организации и проведения съезда уполномоченных сельских мусульман 115 волостей (более 2/3 участников — духовные лица) Уфимской губернии (22, 23, 25 июня 1905 г.), посвященного обсуждению вопросов, касающихся мусульманской религии и нужд башкирского населения⁶², восходит к указу от 30 марта 1905 г. об учреждении Особого совещания по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И. Г. Горемыкина. Новый институт в свете решений Комитета министров во исполнение указа от 12 декабря 1904 г. также должен был организовать свою работу на демократических основах — с участием заинтересованных сторон.

Главную роль в созыве съезда сыграли петиции мусульман в адрес губернатора о разрешении такого мероприятия и дей-

60. Там же. С. 252–253.

61. Загидуллин И. К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.: монография. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019. С. 201.

62. Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г., Уфа, б. г. С. 4.

ствия дворянина Салимгирея Джантюрина, неперменного члена Уфимского губернского присутствия.

Совещание уполномоченных мусульман Уфимской губернии всецело поддержало проект устава ОМДС, в том числе его положения о вакуфах и о сосредоточении в руках исламских институтов вопросов семейно-брачных отношений и раздела имущества.

Революционная ситуация 1905 г. способствовала ускоренной политизации общественного движения мусульманских народов страны. Манифест от 17 октября 1905 г. о демократических свободах позволил провести с разрешения властей II Всероссийский съезд мусульман в Санкт-Петербурге (13–21 января 1906 г.), на котором был принят устав партии «Иттифак аль-муслимин», обсуждена и принята ее программа, составленная А. Топчибашевым совместно с А. Агаевым и Габд. Ибрагимовым. В программе, большинство положений которой было заимствовано из программы партии конституционных демократов, декларировалось, что все семейно-брачные вопросы и раздел имущества решаются на шариатских судах на основе установлений шариата⁶³, что было равнозначно отказу признавать новшества проекта Гражданского уложения и перекликалось с текстами большинства петиций по данному вопросу.

В решения III Всероссийского съезда мусульман, прошедшего 16–21 августа 1906 г. на легальной основе в Нижнем Новгороде, вошли требования о религиозной-культурной автономии. В вопросах образования и религии принципиальных разногласий между либералами и социалистами не наблюдалось. Было заявлено, что духовным управлениям передаются все религиозные дела мусульман: контроль над медресе и мечетями, вакуфами, утверждение духовных лиц, судопроизводство по семейно-брачным отношениям и раздел имущества и т. д.⁶⁴

Важно отметить, что во II Государственной думе была принята программа мусульманской фракции, которая в целом повторяла программу партии «Иттифак аль-муслимин»⁶⁵.

Таким образом, светские мусульмане при разработке программных документов, с учетом проживания большинства единомышленников в традиционном обществе и неразвитости социальной

63. Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. С. 30.

64. Там же. С. 39, 41–42.

65. Там же. С. 45.

структуры мусульманского сообщества, во главу угла своих требований ставили, с одной стороны, вопросы сохранения самобытности местных обществ, а с другой — достижение гражданского равноправия и предоставление демократических свобод.

Заключение

Итак, в период Первой русской революции по вопросам обязательности применения норм шариата в сфере семейно-брачных отношений и раздела наследства мнения консервативно-монархических кругов, представленных духовными лицами, купцами и частью представителей других сословных групп, а также светских лиц, придерживающихся либеральных взглядов, и радикальной татарской молодежи, разделяющей политические взгляды эсеров, сошлись. В своих петициях мусульмане высказались за сосредоточение всех религиозных вопросов в компетенции религиозного управления, в том числе вакуфов, что означало их легализацию в округе ОМДС. Требование религиозно-культурной автономии в контексте нашего исследования означало также упразднение практики обращения недовольных разделом имущества по нормам шариата в светский суд, в остальных случаях — сохранение действующей модели применения норм шариата, в которой не было места новшествам проекта Гражданского уложения.

С завершением в конце лета 1905 г. петиционной кампании тема проекта Гражданского уложения стала неактуальной. Стало очевидным, что в период революции проект Гражданского уложения не соответствует принципу равенства субъектов гражданского права⁶⁶, а после третьеиюньского государственного переворота 1907 г. проект кодекса стал казаться сановникам «слишком реформаторским и малонациональным»⁶⁷. В результате правительство пошло по пути частичных поправок: в 1913 г. в Государственную думу была внесена только часть Уложения, посвященная обязательствам, которую Дума так и не рассмотрела⁶⁸.

66. Шершеневич Г.Ф. Революция и гражданское уложение // Право. 1906. № 1. С. 8–11; Слыщенков В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и модернизация русского гражданского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 4(255). С. 249.

67. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. М., 2003. С. 77.

68. Слыщенков В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права. С. 95, 246.

Однако некоторые вопросы, обозначенные в проекте Гражданского уложения, были озвучены мусульманками в 1917 г. На Первом всероссийском съезде мусульман (Москва, 1–11 мая 1917 г.), объявившем религиозно-культурную автономию, по итогам дискуссии о равноправии мужчин и женщин делегаты большинством голосов поддержали решение, предложенное съездом мусульманок Казанской губернии. Они проголосовали за равенство мужчин и женщин по шариату, равенство гражданских и политических прав женщин-мусульманок с мужчинами, за запрет многоженства и т. д. В ответ группа духовных лиц, несогласных с этим решением, подала президиуму съезда записку, предложив новую редакцию резолюции: «Женщины должны обладать всеми социальными и политическими правами наравне с мужчинами, за исключением ограничений, предусмотренных шариатом», — что обозначило раскол в общественном движении мусульман Волго-Уральского региона⁶⁹.

Во имя обеспечения единства, без которого были невозможны дееспособность и дальнейшее развитие мусульманского сообщества, светская элита восстановила союз с духовенством. На 2-м всероссийском съезде (Казань, 19–20 июля 1917 г.) была провозглашена национально-культурная автономия тюрко-татар Волго-Уральского региона и Сибири. В его исполнительный орган — Милли идарэ — Духовное собрание вошло как один из трех назаратов (министерств) с условием сохранения в национально-культурной автономии норм шариата и ограничений равноправия женщин⁷⁰.

Таким образом, Октябрьскую революцию мусульманское сообщество Волго-Уральского региона встретило с объявленной национально-культурной автономией, в которой шариатские нормы должны были по-прежнему регулировать семейно-брачные отношения и раздел имущества и наследства.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 15.
РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 20.

69. Давлетшин Т. Советский Татарстан. Казань: «Жиен», 2005. С. 110–117.

70. Хабутдинов А. Ю. Традиции татарского правосознания: от шариата к современному праву. С. 48.

РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 25.

РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 31.

Источники

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 23. СПб.: Гос. тип., 1905.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 24. СПб.: Гос. тип., 1907.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. СПб.: Гос. тип., 1908.

Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г., Уфа, б. г.

Литература

Адыгамов Р. К. Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII — начале XX в.: история развития и тенденции обновленчества в мусульманской умме: автореф. дисс. докт. ист. наук. Казань, 2022.

Габдрафикова Л. Р. Расторжение браков в татарском мусульманском обществе в конце XIX — начале XX века // Российская история. 2013. № 5. С. 124–132.

Гарипова Г. Роль Ризазэддина Фахретдина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Том. 5. № 2. С. 206–224.

Гражданское уложение. Книга 2. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–349 с объяснениями. СПб., 1902.

Гражданское уложение. Книга 2. Наследственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии Гражданского уложения. С объяснениями. СПб., 1902.

Давлетшин Тамурбек. Советский Татарстан. Казань: «Жиен», 2005.

Загидуллин И. К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 44–102.

Загидуллин И. К. Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.: монография. — Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019.

Загидуллин И. К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 200-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 3–11.

Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

Исхаков С. М. Ахтямов Абуссугут Абдельхаликович // Башкирская энциклопедия. Т. 1. А-Б. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 253–254.

- Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Каппелер П.* Чуваши. Народ в тени истории: монография / пер. с нем. Е. В. Толстой; науч. ред. Л. А. Таймасов. Чебоксары, 2019.
- Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е — 1905 гг.: документы и материалы / авт.-сост. И. К. Загидуллин, Н. С. Хамитбаева, Л. Ф. Байбулатова, Х. З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.
- Мухаметзарипов И. А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX в. Казань: РИУ, 2012.
- Мухин В. Ф.* Очерк магометанского права наследования. СПб.: Издание Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения, 1898.
- Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX в. — Казань: “Ab Imperio”, 2017.
- Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. М.: «Статут», 2003.
- Сенчакова Л. Т.* Предисловие // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. документов / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000. С. 3–24.
- Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н.* «Кампания петиций» 1905 года как отражение общественного сознания мусульман России начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Т. 7. № 2. С. 311–319.
- Слыщенко В. А.* Проект Гражданского уложения 1905 г. и модернизация русского гражданского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 4(255). С. 243–253.
- Слыщенко В. А.* Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: дисс. канд. ист. наук. М., 2003.
- Томсинов В. А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века // Законодательство. 2015. № 2, с. 88–94; № 3, с. 88–94; № 4, с. 88–94; № 5, с. 88–94 [tomsinov_v.a.gazrabotka_proekta_grazhdanskogo_uloz.pdf, доступ от 1.08.2023].
- Тютрюмов И.* Предисловие // Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. М.: Волтер Клувер, 2007. С. I–XIV.
- Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм) XIX–XX вв. М.: Наука, 1985.
- Шершеневич Г. Ф.* Революция и гражданское уложение // Право. 1906. № 1. С. 8–11.
- Шперлинг В.* Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история: Сб. научных работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетея, 2004. С. 152–168.
- Хабутдинов А. Ю.* Традиции татарского правосознания: от шариата к современному праву // Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Материалы итоговой научно-практической конференции КФЮИ МВД России. Казань: ЦЭСИ, 1997. С. 46–49.
- Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В.* Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. — Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005.

Archival materials

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 821. Op. 10. D. 15.

RGIA. F. 821. Op. 10 D. 20.

RGIA. F. 821. Op. 10. D. 25.

RGIA. F. 821. Op. 10. D. 31.

Sources

Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga 2. Semeistvennoe pravo. Proekt vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii Grazhdanskogo ulozheniia. Tom pervyi. St. 1–349 s ob"iasneniiami [Civil Code. Book 2. Family law. The project of the highest established Editorial Commission of the Civil Code. Volume one. Art. 1–349 with explanations] (1902). SPb.

Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga 2. Nasledstvennoe pravo. Proekt vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii Grazhdanskogo ulozheniia. S ob"iasneniiami [Civil Code. Book 2. Inheritance law. The project of the highest established Editorial Commission of the Civil Code. With explanations] (1902). SPb.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. T. 23 [The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd. Vol. 23] (1905). SPb.: Gos. tip.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. T. 24 [The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd. Vol. 24] (1907). SPb.: Gos. tip.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. T. 25 [The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd. Vol. 25] (1908). SPb.: Gos. tip.

Protokol Ufimskogo gubernskogo soveshchaniia, obrazovannogo s razresheniia g. ministra vnutrennikh del i doverennykh bashkirskih volostei Ufimskoi gubernii dlia obsuzhdeniia voprosov, kasaiushchihsia magometanskoi religii i voobshche nuzhd bashkirskogo naseleniia. 22, 23 i 25 iunია 1905 g. [Minutes of the Ufa provincial meeting, formed with the permission of the Minister of Internal Affairs and entrusted Bashkir volosts of the Ufa province to discuss issues related to the Mohammedan religion and the needs of the Bashkir population in general. 22, 23 and 25 June 1905]. Ufa.

Literature

Adygamov, R. K. (2022) *Bogoslovsko-pravovaia mysľ tatar Povolzh'ia i Priural'ia v kontse XVIII — nachale XX v.: istoriia razvitiia i tendentsii obnovenchestva v musul'manskoi umme: avtoref. diss. dokt. ist. nauk* [The theological and legal thought of the Tatars of the Volga region and the Urals at the end of the XVIII — early XX century: the history of the development and trends of renovationism in the Muslim Ummah: abstract. diss. Doctor of Historical Sciences]. Kazan'.

Davletshin, T. (2005) *Sovetskii Tatarstan* [Soviet Tatarstan]. Kazan': "Zhien".

Fadeeva, I. L. (1985) *Ofitsial'nye doktriny v ideologii i politike Osmanskoi imperii (osmanizm — panislamizm) XIX–XX vv.* [Official doctrines in the ideology and politics of the Ottoman Empire (Ottomanism — Pan-Islamism) of the XIX–XX centuries]. M.: Nauka.

Gabdrafikova, L. R. (2013) "Rastorzenie brakov v tatarskom musul'manskom obshchestve v kontse XIX — nachale XX veka" [Dissolution of marriages in the Tatar Muslim society at the end of the 19th — beginning of the 20th century], *Rossiiskaia istoriia* 5: 124–132.

Garipova, R. (2017) "Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-century Russia" in D. Ross, P. Sartori (eds)

- Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*, pp. 156–182. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Garipova, R. (2020) “Rol’ Rizaëddina Fakhretkina v reforme musul’manskogo semeinogo prava v Rossiiskoi imperii” [The role of Rizaeddin Fahretdin in the Reform of Muslim family law in the Russian Empire], *Istoricheskaia etnologiya* 5 (2): 206–224.
- Gerasimov, I. (2017) *Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii. Chast’ 2: Balansirovanie imperskoi situatsii: XVIII–XX vv.* [The New Imperial History of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial situation: XVIII–XX centuries]. Kazan’: “Ab Imperio”.
- Iskhakov, S. M. (2005) “Akhtiamov Abussugut Abdel’khalikovich” [Akhtyamov Abussugut Abdelkhalikovich], in *Bashkirskaya èntsiklopediia. T. 1. A–B*, pp. 253–254. Ufa: Nauchnoe izdatel’stvo “Bashkirskaya èntsiklopediia”.
- Kappeler, A. (2000) *Rossiia — mnogonatsional’naya imperiia. Vozniknovenie, istoriia, raspad* [Russia is a multinational empire. Origin, history, decay]. M.: Progress-Traditsiia.
- Kappeler, A. (2019) *Chuvashi. Narod v teni istorii: monografiia* [Chuvashi. People in ten stories: monograph]. Cheboksary.
- Khabutdinov, A. Iu. (1997) “Traditsii tatarskogo pravosoznaniia: ot shariata k sovremennomu pravu” [Traditions of Tatar legal consciousness: from Sharia to modern law], in *Sotsial’no-pravovye problemy bor’by s prestupnost’iu v sovremennykh usloviakh. Materialy itogovoi nauchno-prakticheskoi konferentsii KFIUI MVD Rossii*, pp. 46–49. Kazan’: TSÉSI.
- Khabutdinov, A. Iu., Mukhetdinov, D. V. (2005) *Vserossiiskie musul’manskoe s’ezdy 1905–1906 gg.* [Russian Muslim Congresses of 1905–1906]. N. Novgorod: NIM “Makhinur”.
- Muhametzaripov, I. A. (2012) *Funktsionirovanie shariata v okruge Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniia v kontse XVIII — nachale XX v.* [The functioning of Sharia in the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late XVIII — early XX centuries]. Kazan’: RIU.
- Muhin, V. F. (1898) *Ocherk magometanskogo prava nasledovaniia* [Essay on Mohammedan law of succession]. SPb.: Izdanie redaktsionnoi komissii po sostavleniiu grazhdanskogo ulozheniia.
- Pokrovskii, I. A. (2003) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Izd. 4-e, ispr. M.: “Statut”.
- Sartori, P. (2017) “Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: An Introduction”, *Islamic Law and Society* 24 (1-2): 1–19.
- Senchakova, L. T. (2000) “Predislovie” [Preface], in *Prigovory i nakazy krest’ian Tsentral’noi Rossii. 1905–1907 gg. Sb. dokumentov*, pp. 3–24. M.: Èditorial URSS.
- Senyutkina, O. N., Guseva, YU. N. (2005) “‘Kampaniia petsitsii’ 1905 goda kak otrazhenie obshchestvennogo soznaniia musul’man Rossii nachala XX veka” [“Campaign of petitions” in 1905 as a reflection of the public consciousness of Muslims in Russia at the beginning of the 20th century], *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* 2: 311–319.
- Shershenevich, G. F. (1906) “Revoliutsiia i grazhdanskoe ulozhenie” [Revolution and civil code], *Pravo* 1: 8–11.
- Shperling, V. (2004) “Torgovat’sia s vlast’iu: prosheniia i zhaloby kak forma politicheskoi kommunikatsii v poreformennoi Rossii” [Bargaining with the GeAuthorities: Petitions and Complaints as a Form of Political Communication in Post-Reform Russia], in *Novaia politicheskaya istoriia: Sbornik nauchnykh rabot*, pp. 152–168. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Aletea.

- Slyshchenkov, V. A. (2003) *Proekt Grazhdanskogo ulozheniia 1905 g. i ego mesto v istorii russkogo prava: diss. kand. ist. nauk* [Draft Civil Code of 1905 and its place in the history of Russian law: diss. cand. ist. Sciences], M.
- Slyshchenkov, V. A. (2004) "Proekt Grazhdanskogo ulozheniia 1905 g. i modernizatsiia russkogo grazhdanskogo prava" [Draft Civil Code of 1905 and modernization of Russian civil law], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* 4 (255): 243–253.
- Tomsinov, V. A. (2015) "Razrabotka proekta Grazhdanskogo ulozheniia i razvitie nauki grazhdanskogo prava v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka" [Development of the draft Civil Code and the development of the science of civil law in Russia in the late XIX — early XX century], *Legislation* 2: 88–94; 3: 88–94; 4: 88–94; 5: 88–94.
- Tyutryumov, I. (2007) "Predislovie" [Preface], in I. M. Tyutryumov, A. L. Saatchiyan (eds) *Grazhdanskoe ulozhenie. Kn. 1. Polozheniia obshchie: proekt Vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniiu Grazhdanskogo ulozheniia (s ob"iasneniiami, izvlechennymi iz trudov Redaktsionnoi komissii)*, pp. I–XIV. M.: Volter Kluver.
- Zagidullin, I. K. (2006) "Vakufy v imperskom pravovom prostranstve" [Waqfs in the Imperial legal space], in *Islam i blagotvoritel'nost': Materialy Vserossiiskogo seminara "Islam i blagotvoritel'nost'" (Kazan', ianvar' 2005 g.)*, pp. 44–102. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Zagidullin, I. K. (2011) "Predislovie" [Preface], in *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie i dukhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednei chetverti XVIII — nachale XX vv.: Materialy odnoimennogo nauchnogo seminara, posviashchennogo 200-letiiu uchrezhdeniia religioznogo upravleniia musul'man vnutrennei Rossii i Sibiri (Kazan', 18 dekabria 2009 g.)*, pp. 3–11. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Zagidullin, I. K. (2018) *Ufimskii kurultai 1905 goda* [Ufa kurultai of 1905]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT.
- Zagidullin, I. K. (2019) *Natsional'noe dvizhenie musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v nachal'nyi period revoliutsii 1905–1907 gg.: monografiia* [The National Movement of Muslims of the Volga-Ural region in the initial period of the revolution of 1905–1907: monograph]. Kazan': OOO "TSentr innovatsionnykh tekhnologii".
- Zagidullin, I. K., Hamitbaeva, N. S., Bajbulatova, L. F., Bagautdinova, H. Z. (2014) *Modernizatsionnye protsessy v tatarsko-musul'manskom soobshchestve v 1880-e — 1905 gg.: dokumenty i materialy* [Modernization processes in the Tatar-Muslim community in the 1880s — 1905: documents and materials]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT.